

M. Malzahn. The Tocharian verbal system. Leiden: Brill, 2010. xxviii + 1063 p. (Brill's studies in Indo-European languages & linguistics. V. 3)

Молодая австрийская исследовательница Мелани Мальцан выдвинулась в число крупнейших современных тохаристов, выступив несколько лет назад в роли редактора замеча-

тельного справочного издания «Instrumenta Tocharica» [Malzahn 2007]. Рецензируемая монография представляет собой фундаментальное (более 1000 страниц!) и даже внешне весь-

ма впечатляющее исследование, посвященное глагольной системе обоих тохарских языков в синхронном и диахроническом аспекте.

Книга состоит из двух частей: собственно описания тохарской глагольной системы и индекса (фактически полноценного словаря) тохарских глагольных форм, известных к настоящему времени из текстов.

Первая часть книги разбита на тридцать семь глав. Само это число вполне адекватно отражает как степень тщательности, с которой М. Мальцан подходит к материалу, так и чрезвычайную сложность тохарской глагольной системы.

В первых пяти главах («Basic remarks about the phonological system and sound laws», «General introduction into the Tocharian verbal system», «The verbal endings», «Valency», «Voice») рассматриваются вопросы общего характера. Главы 6–15 посвящены претериту, имперфекту и причастию претерита, главы 16–23 – конъюнктиву и оптативу, главы 24–36 – презенсу и причастиям презенса, глава 37 – императиву. Остановимся на некоторых наиболее интересных вопросах, разбираемых в этих главах.

Глава 4 («Valency») посвящена категории каузативности. Многие тохарские глаголы имеют не одну, а две парадигмы спряжения; поскольку в наиболее ясных случаях формы, принадлежащие ко второй парадигме, характеризуются каузативной семантикой, эти две парадигмы получили в тохаристике наименования «исходный глагол» (*Grundverb*) и «каузатив» (*Kausativ*). При этом как формальные, так и семантические отношения между *Grundverb*-ами и *Kausativ*-ами отличаются чрезвычайной запутанностью, в частности:

- между исходным глаголом и каузативом может не обнаруживаться никаких значимых различий в семантике и наборе актантов (по-видимому, существует даже несколько непеременных «каузативных» глаголов);

- семантика каузативного глагола может непредсказуемым образом отличаться от семантики исходного: ср., например, АВ *mānk-* ‘не хватать; (К) преодолевать’;

- исходя из чисто морфологических критериев большую группу глаголов следует рассматривать как *causativa tantum*;

- в некоторых случаях от одного исходного глагола могут образовываться две каузативных парадигмы.

В последние десятилетия соответствующая проблематика находится в центре внимания тохаристов, ср., в частности, работы [Hackstein 1995] и [Carling 2009] (наши краткие замечания об этой статье см. в [Бурлак, Живлов, Иткин 2010: 131]). Особо следует упомянуть кон-

цепцию, выдвинутую недавно И. Сержантом [Seržant 2011; in print]. Среди всех каузативов наибольшей семантической нерегулярностью отличаются каузативные глаголы, спрягающиеся по образцу «Pr VIII – Pt III – Conj I/II/VII». При этом у значительного большинства *Grundverb*-ов, образующих каузатив по этой модели, представлены презенсы классов III и IV (между которыми имеется строгое дополнительное морфонологическое распределение, т.е. фактически речь идет о едином классе). С точки зрения И. Сержанта, соотношение между «исходной» и «каузативной» парадигмами у таких глаголов обратно принимаемому традиционно: «каузативные» формы морфологически первичны и не образуют никакого семантического единства, а «исходные» – морфологически производны и представляют собой особый класс, который И. Сержанта называет «инагентивами». Подход М. Мальцан оказывается в некотором смысле противоположен подходу И. Сержанта: признавая семантическую нерегулярность «каузативных» глаголов с презенсом класса VIII и отказывая им в праве считаться каузативами, М. Мальцан все же считает их производными от соответствующих исходных глаголов и обозначает введенным ей самой термином *Antigrundverb*. Не имея сейчас возможности подробно аргументировать свою точку зрения, отметим, что все попытки доказать «некаузативность» тохарских каузативов, на наш взгляд, сталкиваются с трудно преодолимыми препятствиями. Напротив, традиционный подход в целом адекватно отражает реальное положение дел, хотя, конечно, нельзя не признать, что тохарский каузатив отличается нехарактерно высокой для этой грамматической категории степенью лексикализации и идиоматизации.

В главе 5 («Voice») рассматриваются вопросы, связанные с функционированием медиальных глагольных форм и их соотношением с активными. Тохарские медиальные формы несомненно восходят к праиндоевропейскому состоянию, однако их значение никак не может быть сведено к пассиву или возвратности. Несмотря на наличие диссертации [Schmidt 1974] и ряда позднейших работ, правила употребления залогов в тохарских языках остаются во многом неясными. Одной из особенностей тохарской залоговой системы является наличие очень большого числа глаголов *media tantum* (хотя точное их количество, разумеется, неизвестно, поскольку некоторые глаголы, засвидетельствованные только в медиальном залоге, в действительности могут иметь и активные формы); встречаются и такие глаголы, у которых в одних временах и наклонениях представлен только активный залог, в других – только медиальный. В разделе 5.2.1, «*Activa tantum and*

media tantum», М. Мальцан обращает внимание на важное различие между переходными и непереходными глаголами: если первые чаще имеют полную залоговую парадигму, то у вторых, как правило, представлены формы только одного залога. Более того, существуют морфологические разряды, целиком или практически целиком относящиеся к activa tantum или media tantum: так, упоминавшиеся выше презентные классы III и IV включают только медиальные формы. Как остроумно замечает М. Мальцан, «the use of voice in these cases is basically a matter of morphology and not so much of semantics» (с. 103).

Заключительный раздел главы 14 («The preterit participle») посвящен вопросу о происхождении геминации согласного после редуцированного слога в тохарских В претеритных причастиях (в тохарском А соответствующего явления нет). Не без сочувствия напомним давнюю идею В. Шульце [Schulze 1924: 173] о том, что в каузативных претеритах класса II корневые геминаты являются результатом стяжения изначально триплицированных(!) причастных форм – т. е., например В *cecclu* PPt К от *tāl-* ‘поднимать, нести’ следует выводить из **cæcäcäläwä*. М. Мальцан справедливо отмечает, что эта теория никак не объясняет, почему редупликации подвергаются только согласные *c*, *ś*, *ʃ* и *ts*. По ее мнению, появление геминации вызвано аналогией с формой *śeśšamu* PPt К от частотного глагола *stäm-* ‘стоять’. Это предположение кажется нам неубедительным – в частности, потому, что, как указывает и сама исследовательница, в этой форме начальное *ś* и срединное *śś* являются результатом упрощения сочетания *śc* (< *st* по палатализации), происшедшего достаточно поздно: в течение долгого времени в текстах встречаются как *tc*, так и другие написания [Peurot 2008: 70–71], ср., например, отпричастное существительное *ścešcmor* (В 211 b3). Что касается удвоения *k*, наблюдаемого в редуцированных претеритных причастиях разных типов, то его источником М. Мальцан считает форму *kakkāccu* PPt от *kātk-* ‘радоваться’, в которой двойное *k* якобы развилось перед двойным *c*. На наш взгляд, это объяснение ad hoc неправдоподобно и не может быть принято. Значительно более перспективным представляется путь, предполагающий выяснение точных условий рассматриваемого явления, охватывающего далеко не все глаголы с начальным *k-*. Обращает на себя внимание, что геминация происходит исключительно в корнях вида *kVCC* (возможно, не во всех), ср., например, *kakkārpau*, *kekārku* PPt от *kārp-* ‘спускаться’ и *kārku-* ‘связывать’, *(ke)kkarnor* отпричастное существительное от *kārn-* ‘бить, ударять’ (как видно, форма *kakkāccu* просто подчиняется тому же правилу), но *kakāyau*,

kekamu ~ *kekmu*, *kekesu*, *keklañku*, *keklyaušu* PPt от *kāy-* ‘открывать рот’, *kām-* ‘приходить’, *kās-* ‘гаснуть’, *klāñk-* ‘сомневаться’, *klyaus-* ‘слушать, слышать’ и др. Тем самым, кажется вероятным, что написание *kk* отражает не результат сложных аналогических выравниваний, а реальный морфонологический процесс удвоения интервокального *k* в закрытом слоге.

Во вступлении к главе 15 («The imperfect»), говоря о правилах употребления имперфекта по сравнению с другим прошедшим временем – претеритом, М. Мальцан принимает точку зрения, высказанную еще полвека назад В. Томасом: имперфект употребляется «там, где действие должно мыслиться незавершенным, соответственно, в тех случаях, когда речь идет о глаголах состояния, когда состояние должно было быть отнесено к прошлому» [Thomas 1957: 307] (с. 252). К сожалению, это определение совершенно неоперационально и не соответствует реально наблюдаемой картине. То же, на наш взгляд, относится к принципиально иной трактовке, предложенной в недавней книге Ж.-Ж. Пино: в повествовательных текстах «претерит используется для изложения последовательности основных действий, а имперфект – для описания обстоятельств, второстепенных событий и т.д.» [Pinault 2008: 569]. Ограничимся одним-единственным примером: *mām̄t ne ālyākyām̄ praštam̄ ālak sañ pekant yañtrācāres waštā lokit yeš* (А 5 a5) «как-то раз некий один художник к механику в дом в гости пришел». Фраза, представляющая собой завязку рассказа, не может (вопреки точке зрения Ж.-Ж. Пино) рассматриваться как «второстепенное событие», а перевод «...шел» вместо «...пришел», предполагаемый в соответствии с интерпретацией В. Томаса, противоречит здравому смыслу: непосредственно следующее предложение описывает прием, оказанный механиком гостю. Вопрос о правилах, регулирующих употребление форм имперфекта и претерита в обоих тохарских языках, остается открытым и составляет одну из центральных проблем тохарской грамматики.

В разделе 15.3.4 рассматривается давний вопрос о том, есть ли в тохарском А языке формы имперфекта, образованные не по общему правилу – от основы презенса, а от основы конъюнктива. М. Мальцан убедительно показывает, что ни одного сколько-нибудь надежного примера такой деривации нет – напротив, есть основания полагать, что несколько неясных форм с суффиксом *-ñ-* (*tpukñānt*, *tsākñā*, *wātñā*) представляют собой регулярные производные от презенса кл. VI с показателем *-nā/-na-*.

Главы 28 и 29 посвящены соответственно презенсу и конъюнктиву класса VI и презенсу класса VII. В VI классе презенса в тохарском

А представлен суффикс *-nā/-na-*, в тохарском В – суффикс *-nā/-ānā-*. В тохарском А выбор одного из вариантов суффикса зависит от морфонологической долготы-краткости корневой гласной, ср. формы 3 Sg Pr от двух глаголов со значением ‘знать’ – *knā-* и *kārs-*: *knānaṣ*, но *kārsnāṣ*. Что касается тохарского В, то, подробно рассмотрев весь имеющийся материал и правила, ранее предлагавшиеся для его описания, М. Мальцан приходит к выводу, что синхронного распределения между вариантами *-nā-* и *-ānā-* нет, и предлагает диахроническое объяснение (к сожалению, построенное на чистой аналогии и потому неубедительное). VII класс презенса образуется с помощью носового инфикса. В тохарском В выделение этого класса безусловно оправданно, поскольку глаголы одной и той же структуры могут принадлежать как к классу VI, так и к классу VII, ср., например, формы Ger I от *truk-* ‘раздавать’ и *pik-* ‘писать, рисовать’: *truknālle* (Pr VI), но *piñkalle* (Pr VII). В тохарском А носовой инфикс могут иметь только глаголы, оканчивающиеся на *-Ck*, так что кажется естественным считать соответствующий класс подклассом класса VI и рассматривать формы типа *pāltsānkāṣ* 3 Sg Pr от *pāltsk-* ‘думать’ как результат синхронной метатезы (*pāltsānkā-* < **pāltsāknā-*). М. Мальцан все же выделяет такие глаголы в отдельный класс, оговаривая, что он «synchronically... different from the usual TB Class VII», хотя и связан с ним исторически (с. 410). Характеризуя тохарские А презенсы класса VII с формальной точки зрения, М. Мальцан указывает, что к нему относятся глаголы, корни которых оканчиваются «in ... ^otk, ^osk, ^olk always and partly ... in ^ork» (с. 420). Если глаголы на *-tk* и *-sk* действительно всегда имеют инфигированный презенс и никогда – суффигированный, то с глаголами на *-rk* и *-lk* дело обстоит совсем иначе. Единственный глагол на *-rk*, возможно, демонстрирующий инфиксацию, – *sārk-* ‘заботиться; тянуть (?)’ (о сложностях, связанных с установлением значения этого глагола, подробно говорится на с. 940), ср. 2 Sg Pr *srānkāt* и др. Однако никакие формы этого глагола, кроме презентных, неизвестны; если его отождествление с тохарским В *sārk-* (также Pr VII) вообще верно, не исключено, что в тохарском А произошло распространение презентного *-ñ-* на всю парадигму, т. е. с синхронной точки зрения следует говорить уже о глаголе *srāñk-*. Два других глагола на *-rk* – *kārk-* ‘красть’ и *tārk-* ‘отпускать, освобождать’ – имеют суффигированный презенс. Под «глаголами на *-lk*» подразумевается глагол *mālk-* (= В *mālk-*) ‘связывать’. В опубликованной в 1998 г. тохарской А рукописи буддийской драмы Maitreyasamiti-Nāṭaka (далее – MSN) дважды встретились форма *m-*причастия

mlāñkmām: *kālnmām mlāñkmām yetwesyo* (YQ-2 a5; во втором фрагменте – YQ-3 a1 – текст частично утрачен) «со звенящими и ... украшениями». Как публикаторы MSN [Ji, Winter, Pinault 1998: 58], так и М. Мальцан рассматривают *mlāñkmām* как форму глагола *mālk-*; другие формы Pr этого глагола неизвестны. Между тем значение ‘связанные, соединенные’ плохо подходит к контексту, странным кажется и объединение в одной сочиненной группе *m-*причастий от непереходного и переходного глаголов. Таким образом, к предлагаемому отождествлению необходимо относиться с осторожностью. Любопытно, что среди форм, не включенных в «Verbal index» в силу их неясности, М. Мальцан (с. 518) упоминает форму *mlāñkām* (В 351 fgm. 2); ее сходство с тохарским А *mlāñkmām* едва ли может быть случайным.

В главе 36 («The present participles») рассматриваются две неличные презентные формы, традиционно называемые активным и медиальным причастиями настоящего времени. Подчеркивая тот хорошо известный факт, что употребление этих форм в обоих тохарских языках не имеет прямого отношения к противопоставлению залогов, М. Мальцан называет их просто *nt*-причастием и *m*-причастием «in a neutral way» (с. 480). Говоря о различиях между *nt*-причастиями и *m*-причастиями, М. Мальцан справедливо отмечает, что *nt*-причастия, как правило, функционируют в текстах не как определения, а как *nomina agentis*, ср., например, В *ašeñca*, А *āśant* ‘тот, кто ведет; вождь’. К этому необходимо добавить, что *m*-причастия, в свою очередь, чаще всего выступают также не в собственно-причастной функции, а в роли десипричастия одновременности, ср., например, *tume(m) [c](ai) brāhmaṇi tot ike postām ynemane a[ra]ñemiñ lānte yapoyme kamem* (В 81 b2) «тогда эти брахманы, так с места на место переходя, в страну царя Аранеми пришли», *sewāsaśśāl ñuk cwaśśāl māskamām mā yutkālyi* (А 70 a6) «с сыновьями и с тобой будучи, я не должна беспокоиться», в то время как для *nt*-причастий такое употребление невозможно, ср. [Иткин 2000]. В силу этого обстоятельства *m*-причастия, в отличие от *nt*-причастий, часто стоят непосредственно перед финитным глаголом; особенно характерно такое употребление для тохарского А, ср. *//// prāryo śārpāsmām trāñkāṣ* (YQ-27 b5) ‘...пальцем указывая, говорит’. Очень важным представляется сделанное М. Мальцан наблюдение, согласно которому от одних классов презенса (I, V, VI, VII – «атематических», согласно терминологии М. Мальцан) *nt*-причастия образуются значительно реже, чем от других (II, VIII, IX, X, XI, XII – «тематических»). Особенно резко данное различие проявляется в тохарском В (с. 494).

Природа этой диспропорции остается неясной и требует дальнейшего изучения.

Вторая часть работы, «Verbal index», как уже было сказано выше, представляет собой каталог всех известных к настоящему моменту тохарских глагольных форм. Для каждого глагола после собственно перечня засвидетельствованных форм приводятся комментарии, касающиеся интерпретации отдельных фрагментов, спорных чтений и т. д. М. Мальцан широко использует материал неопубликованных текстов, изученных как ей самой, так и Ж.-Ж. Пино, К.Т. Шмидтом, М. Пейро и другими исследователями. Далее при необходимости дается анализ семантики рассматриваемого глагола. Завершает каждую статью этимологическая справка. К сожалению, большинство приведенных в книге этимологий, за исключением наиболее очевидных и общепринятых, представляют собой корневые сближения с более или менее расплывчатой семантикой; впрочем, такой подход к этимологизации лексики в индоевропестике последних десятилетий представляет собой общее место и ни в коем случае не может быть поставлен в упрек лично автору рецензируемого исследования.

Как и в случае с первой частью книги, объем настоящей рецензии позволяет нам рассмотреть лишь небольшую часть важных и интересных сюжетов, затрагиваемых М. Мальцан в ходе анализа тех или иных глагольных лексем, а также внести несколько исправлений и дополнений.

С. 536: в 1999 г. К.Т. Шмидт предложил рассматривать неясную последовательность *t₂käryāt* (A 215 b2) не как сочетание HL *t₂kär* и формы *yāt* 2 Sg Pr от глагола *y-* 'идти', а как форму 2 Sg Pr ранее неизвестного глагола *t₂käry-* 'zugrunde gehen' [Schmidt 1999: 282]. По мнению М. Мальцан, «that new root would have a quite suspicious shape». С учетом напрашивающейся связи этого глагола с тохарским А существительным *tukri* 'глина' такая оценка представляется чрезмерно суровой. Как кажется, глагол *t₂käry-* заслуживал включения в «Index» – пусть и в качестве «a ghost root»: обнаружить обсуждение соответствующего фрагмента в словарной статье глагола 'идти' (у М. Мальцан – *i-*) можно, только если очень хорошо знать, что искать.

С. 554: частично сохранившуюся во фрагменте YQ-19 a7 форму 2 Pl Imp M тохарского А глагола *ken-/kāk-* 'звать' М. Мальцан приводит в виде (*p₂kkā*)*kāc*, т.е. в том виде, как она восстановлена в [Ji, Winter, Pinault 1998: 192]. Как нам уже доводилось писать, эта реконструкция – несомненная ошибка: «вписанное *и*» не может выступать перед двумя согласными, поэтому правильная реконструкция должна

выглядеть как (*p₂kā*)*kāc* [Бурлак, Иткин 2004б: 34].

С. 654: в перечне форм тохарского А глагола *tām-* 'рождаться, рождать' отсутствует форма 1 Sg Pr *tmāmsam* (A 218 b1) [Poucha 1955: 121].

С. 700: вслед за М. Пейро [Peugot 2007: 799] М. Мальцан вносит важное уточнение относительно тохарского В глагола *pāk-* 'созревать, вариться; делать спелым, варить': загадочная форма PPt – *papeki* в действительности не существует: во всех случаях, когда она якобы представлена, начальная акшара повреждена и не может быть прочитана с уверенностью. Напротив, регулярная форма *pepeki** обнаруживается в неопубликованных фрагментах ТНТ 1572 a3 и ТНТ 1224 b3.

С. 701–703: вопреки традиционному мнению, М. Мальцан полагает, что тохарское А соответствие тохарского В глагола *pākw-* 'полагаться на кого-либо, доверять' неизвестно, а формы *p₂kal* (A 20 a3) Ger II, *p₂ka(lune)* SV (A 268 b8) и частично сохранившееся *p₂ka* – (A 268 b5) принадлежат глаголу *pāk-* (= В *pāk-*) 'созревать, вариться; делать спелым, варить'. Согласиться с этой интерпретацией невозможно. Во-первых, поскольку приведенные формы относятся к двум разным рукописям, наличие в них «вписанного *и*» не может быть опiskeй. Между тем ни в тохарском А, ни в тохарском В глагол *pāk-* не демонстрирует никаких следов лабиовелярности *k*, тогда как соответствие В *pākw-* ~ А *puk-* (со строчным *и* в закрытом слоге и «вписанным *и*» в открытом) совершенно регулярно – ср., например, В *sakw* 'счастье' ~ А *suk* тж., All Sg *s₂kac* [Бурлак 2000: 78–79]. Во-вторых, попытка усмотреть в строке *‡ pñi kulypam tu p₂kal ptāñäkte pyāmām spaktām* (A 20 a3) герундив от глагола *pāk-* не только дает странный смысл (М. Мальцан: «you will mature into one who desires virtue»), но и «отрезает» от *p₂kal* несомненно связанную с ней синтаксически форму *ptāñäkte* «Будде» (G Sg в дативной функции). Что касается наиболее весомого аргумента М. Мальцан – уйгурской параллели к строке 268 b8, предполагающей наличие в тохарском тексте именно глагола *pāk-*, – то, если интерпретация тюркских данных бесспорна, не исключено, что здесь мы имеем дело с ошибкой уйгурского переводчика, принявшего один из сходно звучащих глаголов за другой.

С. 704: до последнего времени единственным тохарским А соответствием тохарского В глагола *pätt-* 'взбираться (?)' считалась встретившаяся в неясном контексте форма 3 Sg Pr *pätwä[s]* (A 453 b3). М. Мальцан указывает, что форма 3 Pl Pt того же глагола – *pätwār* – может быть усмотрена в сохранившемся в обрывках документе ТНТ 1378 (fgm. g, a3), но считает ее «неясной» – в частности, из-за предлагаемого

автором транслитерации неопубликованных тохарских текстов из Берлинского собрания Т. Тамаи (<http://titus.fkidgl.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm>) альтернативного чтения *päkwär*. Предположение М. Мальцан кажется нам в высшей степени правдоподобным и чрезвычайно ценным. Прежде всего, чтение *päkwär* несомненно ошибочно (С.А. Бурлак, устное сообщение): удовлетворительно сохранившаяся вторая акшара рассматриваемого слова однозначно читается как *twä*. Кроме того, стоящие в начале строки а3 буквы *ñkrunt* с полной уверенностью опознаются как часть слова *tsäñkrunt* – N-Acc Pl от *tsäñkär** ‘вершина’. Получающееся сочетание (*tsä*)*ñkrunt pätwär* дает очень хороший смысл – «на вершины взбирались» (с нередким в тохарских языках винительным падежом направления).

С. 869: тох. А форма *worpu* с морфологической точки зрения представляет собой причастие претерита класса II, выступающего исключительно в каузативных парадигмах. Основываясь на тохарском В соответствии (*wärp-* ‘окружать’), М. Мальцан, как и другие исследователи, записывает тох. А глагол ‘окружать’, от которого образовано это причастие, также в виде *wärp-*. Однако, как хорошо известно, формы Pt II встречаются только у глаголов с корневыми гласными *ä, i, u*. Обсуждая эту проблему в соответствующем разделе главы 8, М. Мальцан допускает, что в тохарском А языке глагол ‘окружать’ имеет вид *wärp-* (с. 172, сн. 2). Как кажется, именно к этому глаголу может относиться форма каузативного *m*-причастия *wärpäsmām*. Мы не смогли обнаружить эту форму в книге М. Мальцан; П. Поуха [Poucha 1955: 296–297] с сомнением связывает ее с глаголом *wärp-* ‘чувствовать’. Однако значение ‘окружать’, точнее, ‘кружить(ся)’, подходит к сохранившемуся контексту значительно лучше: *tmāš nan[de] pyāpyāsā wärpäsmām kroñše(s) /// (91 a2)* «тогда Нанда над цветами кружащихся пчел... (?)».

С. 883–884: у тохарского А глагола *wām-* ‘заходить (о солнце)’ и композита *kom-wmānt* ‘заход солнца; запад (букв. ‘солнце-заходящее’)’ имеется тохарское В соответствие в виде композита *wmāñca-kaunt** с тем же значением и обратным порядком компонентов – ср. G Sg *wmāñca-kauntse* (B 424 b5) [Burlak, Itkin 2000: 33].

С. 896: основываясь на [Schmidt 1999: 283], М. Мальцан указывает, что форма *wassi* – Inf от глагола *wäs-* ‘одеваться’ – впервые встретилась в рукописи MSN (YQ-25 a3). Но это недоразумение: как отмечено в [Poucha 1955: 300], эта форма представлена во фрагменте A 281 a3.

С. 979: вслед за [Winter 1976: 29] М. Мальцан трактует HL *šalcantrā* как форму 3 Pl Pr M

от незасвидетельствованного глагола *tsält-* ‘пожирать (?)’, соответствующего В *tsält-* ‘жевать’. Фрагментарный контекст, в котором встретилась эта форма: *//// (·)räsyo[·] šalcantrā lepśśā tāpärk † (A 55 b1)*, – М. Мальцан переводит как «...пожираются *lepśś*’ами теперь», где *lepśś** (у М. Мальцан неточно *lepś*) – «a term for an unknown animal». Такой перевод хорошо согласуется с высказанным нами на основе анализа другого тохарского А фрагмента (375 b5) предположением о том, что слово *lepśś** означает животное-падальщика, вероятнее всего шакала [Бурлак, Иткин 2010: 354–356], однако одновременная палатализация как начального, так и конечного согласного корня (*tsält-* > *šalc-*) являет собой трудноразрешимую морфонологическую загадку.

Ввиду стремления М. Мальцан к учету всех фактов и явлений тохарской глагольной морфологии вызывает удивление то обстоятельство, что в книге не описываются, не фиксируются последовательно и фактически даже не упоминаются неличные формы, образующиеся от причастия претерита, – *r*-существительные и абсолютивы. *R*-существительные, в обоих тохарских языках (особенно в тохарском А) встречающиеся редко, как правило, имеют абстрактное значение, ср., например, А *tärkor* ‘позволение’ < PPt *tärko* от *tärk-* ‘отпускать, освобождать’, В *keklyaušor* ‘то, что должно быть услышано; знание’ < PPt *keklyaušu** от *klyaus-* ‘слушать, слышать’. Так называемые абсолютивы с формальной точки зрения представляют собой формы Abl (окончания А *-āš*, В *-tem*) и Perl (А *-ā*, В *-sa*) *r*-существительных, но при этом аблативные абсолютивы могут быть образованы от любого глагола; перлативные абсолютивы также встречаются значительно чаще, чем *r*-существительные как таковые (по крайней мере, в тохарском А). В предложении абсолютив выступает в роли деепричастия предшествования, причем между аблативными и перлативными абсолютивами имеются не во всех деталях ясные синтаксические и семантические различия [Thomas 1960; Бурлак, Иткин 2004a]. Отсутствие в работе перечня известных к настоящему моменту *r*-существительных и абсолютивов представляет собой поистине досадную лакуну.

Завершает книгу справочный отдел: список сокращений, библиография и два указателя – слов и текстовых фрагментов.

Библиография к книге отличается полнотой и содержит работы – отнюдь не только по тохаристике и индоевропеистике – на английском, французском, немецком и латинском, а также на испанском, итальянском, голландском и даже русском (статьи петербургского индоевропеиста А.С. Николаева и автора этих строк) языках; при

этом само содержание книги не оставляет никаких сомнений во всестороннем и тщательном знакомстве автора с цитируемыми работами. Хочется специально отметить, что, хотя в книге очень много полемики, М. Мальцан неизменно ведет дискуссию в спокойном, корректном и уважительном тоне – даже в тех случаях, когда оппоненты допускают явные ошибки.

Оба указателя содержат не все упоминания рассматриваемых в книге словоформ и текстов, а лишь наиболее важные. С учетом очень большого объема монографии такой подход представляется оправданным. Некоторое неудобство – особенно для неспециалистов –

создает тот факт, что для неопубликованных текстовых фрагментов не указана их языковая принадлежность.

После появления монографии М. Мальцан в среде тохаристов высказывалось мнение, что изучение тохарской глагольной системы следует отныне считать законченным. К счастью – как, надеюсь, в какой-то мере показывает и настоящая рецензия, – подобное невозможно. Тем не менее нет никаких сомнений, что этот фундаментальный труд представляет собой поистине бесценный *Instrumentum Tocharicum* – из тех, что верой и правдой служат исследователям не годы, а долгие десятилетия.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо

Abl – аблатив

Acc – аккузатив

All – аллатив

Conj – конъюнктив

fgm. – фрагмент

G – генитив

Ger I, II – герундивы I и II

HL – *haraḥ legomenon*

Imp – императив

Inf – инфинитив

K – каузатив

M – медиальный залог

N – номинатив

Perl – перлатив

Pl – множественное число

PPt – причастие претерита

Pr – презенс

Pt – претерит

Sg – единственное число

SV – глагольное существительное

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлак 2000 – С.А. Бурлак. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.

Бурлак, Живлов, Иткин 2010 – С.А. Бурлак, М.А. Живлов, И.Б. Иткин. [Рец. на:] J.E. Rasmussen, T. Olander (eds.). *Internal reconstruction in Indo-European: methods, results, and problems. Section papers from the XVI International conference on historical linguistics, University of Copenhagen, 11th–15th August, 2003. Copenhagen, 2009* // ВЯ. 2010. № 5.

Бурлак, Иткин 2004а – С.А. Бурлак, И.Б. Иткин. Еще раз об «абсолютиве на -r-ā» в тохарском А языке // XXXVII International congress of Asian and North African studies: Abstracts. V. 1. М., 2004.

Бурлак, Иткин 2004б – С.А. Бурлак, И.Б. Иткин. Тохарский текст А 446: Еще одна рукопись тохарской версии Maitreyasamiti-Nāṭaka // ВЯ. 2004. № 3.

Бурлак, Иткин 2010 – С.А. Бурлак, И.Б. Иткин. *Yreki et autres addenda et corrigenda-2* // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова. М., 2010.

Иткин 2000 – И.Б. Иткин. Об употреблении так называемых причастных форм в тохарских языках // Вторая зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2000.

Burlak, Itkin 2000 – S.A. Burlak, I.B. Itkin. *„māñca-kaum et autres addenda et corrigenda* // *Tocharian and Indo-European studies*. 2000. V. 9.

Carling 2009 – G. Carling. *Reconsidering the system: Verbal categorization and the coding of valency in Tocharian* // J.E. Rasmussen, T. Olander (eds.). *Internal reconstruction in Indo-European: Methods, results, and problems. Section papers from the XVI International conference on historical linguistics, University of Copenhagen, 11th–15th August, 2003. Copenhagen, 2009.*

Hackstein 1995 – O. Hackstein. *Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstammbildungen des Tocharischen*. Göttingen, 1995.

Ji, Winter, Pinault 1998 – *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China / Transliterated, translated and annotated by Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault)*. Berlin; New York, 1998.

- Malzahn 2007 – *M. Malzahn* (ed.). *Instrumenta tocharica*. Heidelberg, 2007.
- Peyrot 2007 – *M. Peyrot*. [Рец. на:] *H. Saito*. Das Partizipium Präteriti im Tocharischen. Wiesbaden, 2006 // *Bibliotheca Orientalis*. 2007. V. 64.
- Peyrot 2008 – *M. Peyrot*. *Variation and change in Tocharian B*. Amsterdam; New York, 2008.
- Pinault 2008 – *G.-J. Pinault*. *Chrestomathie tokharienne: Textes et grammaire*. Leuven; Paris, 2008.
- Poucha 1955 – *P. Poucha*. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha, 1955.
- Schmidt 1974 – *K.T. Schmidt*. *Die Gebrauchsweisen des Mediums im Tocharischen*. Göttingen, 1974. (Dissertation... vorgelegt von K.T. Schmidt.)
- Schmidt 1999 – *K.T. Schmidt*. [Рец. на:] *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China / Transliterated, translated and annotated by Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault)*. Berlin; New York, 1998 // *Tocharian and Indo-European studies*. 1999. V. 8.
- Schulze 1924 – *W. Schulze*. *Die reduplizierten Präterita des Tocharischen und Germanischen*. Berlin, 1924.
- Seržant 2011 – *I. Seržant*. *Die Entstehung der Kategorie Inagentiv im Tocharischen* // T. Krisch, T. Lindner, M. Crombach, S. Niederreiter (Hrsg.). *Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft (Salzburg, 21–27 September 2008)*. Wiesbaden, 2011.
- Seržant (in print) – *I. Seržant*. *Derivationelle Diathese im Tocharischen* // *Proceedings of the scientific conference dedicated to centenary since the beginning of decipherment of the Tocharian texts (Moscow–St. Petersburg, 25–28 August 2008)* (in print).
- Thomas 1957 – *W. Thomas*. *Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen*. Wiesbaden, 1957.
- Thomas 1960 – *W. Thomas*. *Zur Verwendung des tocharischen Verbalsubstantivs auf -r im Perlativ* // *Indogermanica. Festschrift für W. Krause zum 65. Geburtstage*. Heidelberg, 1960.
- Winter 1976 – *W. Winter*. *Tocharisch B -au-: tocharisch A -e-* // *Orbis*. 1976. V. 25.

И.Б. Иткин

Сведения об авторе:

Илья Борисович Иткин
Институт востоковедения РАН,
школа «Муми-Тролль» (Москва)
isv@gol.ru